

Иркутская пантомима в Москве

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ БАНАЛЬНОСТИ

Независимая газета. — 1999 — 23 дек. — с. 7

Майя Крылова

ИРКУТСКИЙ театр пантомимы под руководством Валерия Шевченко дал четыре спектакля в Москве. Пластические этюды, собранные в целое под названием «Притчи Во...», или Экзерсисы банальной философии», созданы в интересном, редком жанре доброго фарса.

Представлявший иркутян Илья Рутберг, президент Российского центра пантомимы, справедливо отметил, что язык пантомимы особенно актуален в эпоху девальвации слова. Если к тому же пантомима делается «фанатами и трудолюбивыми», не только сумевшими выжить с 1986 года на правах частного театра, но и ежегодно проводить в Иркутске единственный в России фестиваль пантомимы «Мимолет», — то значение таких гастролей возрастает до

незаурядного театрального события.

Те, кто знает искусство классиков пантомимы Марселя Марсо и Леонида Енгибарова, угадают корни меланхолических героев-чудиков, персонажей иркутского спектакля. Черные трико, востроносые башмаки, как у средневековых гистрионов, набеленные лица, взбитые высоко вверх шапки волос. Шевелюры легко превращаются в бороды, если ходить по сцене «мостиком» и надеть на опрокинутую вниз голову шляпу. А руки — морскими водорослями, колышущимися по ходу волны или против течения. Эта оппозиция — «со всеми вместе или против толпы» — одна из нескольких, осваиваемых иркутским театром. Есть еще «большое — малое», «чувство — бесчувствие», «целый мир — мир, распадающийся на осколки»... Оппозиции могут свободно обращаться в свою противоположность. И тот, кто ставил возвышенному соседу палки

в колеса, вдруг сам начинает рваться в поднебесье. Человек, ловящий что-то сачком, может поймать самого себя.

«Притчи...» — спектакль полутонов и о полутонах. Об умении не только смотреть, но и видеть. О восприятии жизни, когда мир сквозь зеленое бутылочное стекло — уже океан, а самое большое зло — это реакция одного человека на другого только как на внешний механический раздражитель.

Актеры из Иркутска так работают с реальными и воображаемыми предметами, так осваивают трех китов пантомимы — позу, жест и движение, что увлекают взрослого зрителя словно малого ребенка. Да так, что зритель с открытым ртом следит за детскими мячами: как унести их с собой, если мячей — три, а руки — две. Смотрит, как девочка старательно и любовно заворачивает стеклянную банку в тряпицу, чтобы тут же с остервенением расколотить ее молотком. Сопереживает

художнику: он больше не может писать картины, потому что рука не слушается его, превращаясь в неповоротливую «золотую» машину, отдающую звуками падающих монет. Или присутствует при тининстве другой живописи, когда двое — он и она — рисуют лица партнера тонкой акварельной кисточкой, но теряют друг друга, когда им приносят для ускорения процесса здоровенную малярную кисть...

Предупреждая возможные упреки в насаждении вечных, а потому раздражающих истин, Валерий Шевченко и его артисты назвали спектакль «экзерсисами банальной философии». Но «Притчи Во...» — скорее протест против современных равнодушных трюизмов. Ведь человек на самом деле (и не только в иркутской пантомиме) ломает все, к чему прикасается, — цветок, бабочку, мир. И самая «банальная философия» наших дней — не замечать этого.